

Александр Красницкий

Красное Солнышко

Александр Иванович Красницкий

Красное Солнышко

Аннотация

«Густой туман поднимался сплошной стеной над таинственным Рюгеном, островом, где полновластно царил страшный Святовит – требовавшее постоянно крови, битв, разорения божество прибалтийских славян.

Святовит, «истукан» и «царил». Пусть сопоставление этих двух слов не кажется странным. Именно «царствованием», в полном значении этого слова, можно назвать культ грозного божества. Кроткие венды, жившие на Рюгене, были поработаны жрецами Святовита, действовавшими не иначе, как во имя его, и требовавшими от населения и кровавых жертв, и воинов в ряды своих дружин, всегда готовых по первому их знаку кинуться на непокорных. С течением времени добровольная покорность этому вошла в привычку, в Святовите рюгенцы стали видеть грозного защитника от внешних врагов, главным образом – удалых викингов, бороздивших по всем направлениям Варяжское море; жрецы поддерживали эту уверенность, и идол стал как бы земным царем рюгенцев, будто он был одухотворением земной жизни и в самом деле обладал каким-то таинственным могуществом.

Итак, Святовит «царил» полновластно в Рюгене...»

Содержание

Часть первая	4
На Рюгене	4
Среди варягов	8
Гости	13
Бела	16
На пиру	19
Договор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Красницкий

Красное Солнышко

Часть первая

На Рюгене

Густой туман поднимался сплошной стеной над таинственным Рюгеном¹, островом, где полновластно царил страшный Святовит² – требовавшее постоянно крови, битв, разорения божество прибалтийских славян.

Святовит, «истукан» и «царил». Пусть сопоставление этих двух слов не кажется странным. Именно «царствованием», в полном значении этого слова, можно назвать культ грозного божества. Кроткие венды, жившие на Рюгене, были поработаны жрецами Святовита, действовавшими не иначе, как во имя его, и требовавшими от населения и кровавых жертв, и воинов в ряды своих дружин, всегда готовых по первому их знаку кинуться на непокорных. С течением времени добровольная покорность этому вошла в привычку, в Святовите рюгенцы стали видеть грозного защитника от внешних врагов, главным образом – удалых викингов, бороздивших по всем направлениям Варяжское море; жрецы поддерживали эту уверенность, и идол стал как бы земным царем рюгенцев, будто он был одухотворением земной жизни и в самом деле обладал каким-то таинственным могуществом.

Итак, Святовит «царил» полновластно в Рюгене.

Постоянные туманы, одинокое положение острова среди бурного моря, рассказы о его божестве, выходившем будто бы по ночам из своего храма и мчавшегося на белом коне с мечом в руках по горам и по равнинам острова и над валами беспокойного моря, – все это придавало Рюгену особенную таинственность, и даже удалцы-берсерки из среды викингов, готовые всегда на всякий подвиг безумной храбрости, не осмеливались нападать на рюгенцев. Редко даже кто чужой нападавал на этот остров – так силен был инстинктивный страх, внушаемый грозным богом.

Храм Святовита находился на Арконе³. Здесь, окруженный высоким валом, стоял городок жрецов. Вал был так поднят, что закрывал собою высокие, с остроконечной крышей дворцы-крепости, где жили служители Святовита. Только храм божества, стоявший на горе, одиноко поднимался над островом и, как бы венчая его, издали был виден с моря в немногие нетуманные дни.

Редко, очень редко кому-либо чужому удавалось побывать в жреческом городке. Служители Святовита ревниво берегли свои тайны. Для них чужой глаз был опасен. Поэтому только в самых исключительных случаях посторонние попадали в таинственные убежища грозного бога – храм, ворота которого открывались лишь тогда, когда выносилось из храма

¹ Рюген – остров Балтийского моря, отделенный узким проливом от континента. Берега его очень извилисты, образуют множество заливов. Поверхность острова ровная, но заметно поднимается к западу, с северо-востока представляет отвесные меловые скалы. Больших рек нет, но много речек и озер. Первоначальное население было германское, но затем его вытеснили славяне-венды.

² Святовит – языческий бог древних славян, живших на Рюгене, был богом всякого обилия и успеха.

³ Аркона – самый северный мыс на острове Рюген, на полуострове Виттове, на западном конце которого находился город, носивший то же наименование. В этом городе жили жрецы Святовита, храм которого был на высоком холме, значительно поднимавшемся над морем.

огромное знамя, что служило знаком того, что «божество» разгневано и требует войны и истребления своих врагов.

Вслед за знаменем выходили тогда воины Святовита. Их было всего-навсего только 300, но это были закаленные в боях берсерки, для которых «не было в мире дела лучше войны». Эти люди составляли ядро рюгенской армии. К ним примыкали молодые мужи и наемные воины жрецов, викинги с соседних островов; спускались на воду быстро оснащенные остроносые черные драккары, и уходила на грабеж к соседям буйная дружина, давая клятву возвратиться не иначе, как с добычей, заранее назначенной в жертву Святовиту.

Случалось так, что долгое время не показывалось пред рюгенским народом знамя Святовита. Не с кем было воевать его воинам. В Норвегии царствовал храбрый Олав Трюгвассон, пришедший туда из Дании. Борьба с ним была не под силу рюгенским жрецам. К берегам пиктов и саксов тоже не приходилось идти, у франков после недавних набегов викингов образовалась своя береговая стража. Побережье Варяжского моря все было разорено и выжжено. Волей-неволей приходилось томиться скукою Святовитовым воинам.

На площадке, окружавшей жреческий городок у вала, у разложенного костра, в тот туманный день, когда начинается этот рассказ, сидело в разных позах несколько суровых воинов, поставленных здесь для наблюдения за морем. Дул сильный, пронизывающий до костей ветер. Туман волновался, как воздушное море. Невидимое за ним и в нем настоящее бурное море глухо рокотало, словно начинавшее свирепеть чудовище. Костер горел тускло; дым его стелился по низу, как будто тяжело ему было подниматься к этой белесоватой, давившей сверху гуще. Лица воинов были угрюмы. Кто-то из них полулежал на подстилке из звериных шкур, кто-то сидел, обняв руками колена. Изредка кто-нибудь приподнимался и начинал подкладывать в костер набросанные поблизости сучья; тогда раздавался треск, вспыхивало пламя, и суровые лица на мгновение оживлялись.

Вдруг со стороны моря, из крошечного гула донесся какой-то странный шум. Не то крики людей, не то звуки рогов. Воины как-то все разом встрепенулись и переглянулись между собой.

– Что там такое, Сфенкал? – сказал старший. – Пойди посмотри: стража внизу, может быть, знает.

Сфенкал поднялся и с сожалением взглянул на костер.

– Проклятый шум, – пробормотал он.

– Иди, Сфенкал, иди! – крикнул старший. – А вы, – обратился он к остальным, – будьте наготове.

Посланный воин, что-то ворча сквозь зубы, пошел по валу и скоро скрылся в туманной мгле.

Теперь все эти угрюмые люди у костра вдруг оживились. Неожиданно донесшиеся до них звуки стряхнули скуку, наполнили их сразу ожиданием чего-то нового. Пробудилось любопытство: звуки с моря не так часто долетали до арконского вала, чтобы не возбуждать собою интереса.

– Уж не те ли там, на море, кого так ожидают в Арконе? – сказал один из оставшихся воинов.

– Кто знает? Может быть, и те! – отозвался тот, кто был начальником над ними.

– Тогда чего же мы остаемся здесь?

– А что же мы сделаем в таком тумане?

Раздавшийся откуда-то снизу, от подошвы вала, звук рогов, заставил всех воинов вскочить на ноги.

– Вот теперь нас зовут, и мы пойдем, – наставительно произнес начальник, – скорее разбирайте оружие, не забудьте раскидать костер.

Он говорил все это отрывистым голосом; воины быстро вооружились и стояли, ожидая новых приказаний своего вождя.

– Ну, идем! Не то опоздаем! – сказал он.

– Если только не опоздали! – отозвался несколько насмешливо молодой воин.

– Это почему, Икмор? – вскинул на него глаза начальник.

– Взгляни, – указал молодой человек в сторону, где, несмотря на туман, виднелся храм Святовита.

Рога, не умолкая, гудели от подножия вала. Им вторил шум, поднявшийся на улицах Арконы. Видны были толпы людей в белых жреческих одеждах и темных воинских одеяниях. Слышались крики, заметна была с высоты вала суматоха, толпы двигались по направлению к арконским воротам. Городок, недавно еще безлюдный, безмолвный, вдруг ожил.

Старый воин махнул рукой.

– Клянусь рогом Святовита, это прибыли ожидаемые гости, – воскликнул он.

– В такой туман? – повторил его недавние слова Икмор.

– А что же? – возразил тот уже на ходу. – В фьордах мало ли искусных мореходов? А эти гости идут именно оттуда.

Весь небольшой отряд спешно пошел за своим начальником по дороге, проложенной на гребне вала. Икмор, воспользовавшись тем, что вождь так разговорился, шагнул с ним рядом.

– Скажи, батюшка, – расспрашивал он, – не слышал ли ты, зачем является сюда это посольство? Ведь Олав Трюгвассон успокоился с тех пор, как попал в Норвегию. Что ему здесь нужно?

– Не знаю, – отвечал вождь, – зачем послал к нам Олав своих воинов, об этом ничего не слышно; но не будь я Эрик, по прозвищу Черный Дракон, если только очень скоро не будет вынесено из храма знамя Святовита.

– Вот как! И ты уверен в этом?

– Так же, как в том, что я сын своей матери.

– Но куда же пошлет нас Святовит?

– А про то знает старый Бела, его верховный жрец.

Тут Эрик сообразил, что сказал слишком много, и вдруг рассердился.

– Да чего ты ко мне пристал? – закричал он. – Или ты думаешь, я обязан тебе сообщать, что говорят об этих пришельцах около Святовитова храма? Помолчи лучше, а не то я пожалуюсь на тебя Беле.

Икмор лукаво улыбнулся и замедлил шаг, отстав от своего сердитого начальника.

«И того довольно сказал, – думал он, – стало быть, скоро кончится эта тоска, и мы пойдем за море. А куда, я это узнаю.»

Он поспешил сейчас же передать товарищам то, что ему удалось выпытать у старого Эрика. Среди кучки воинов пошел одобрительный говор. Эти воины были не из числа тех трехсот, которые составляли дружину Святовита. На Рюгене они были просто наемниками, взятыми для тяжелой караульной и рядовой службы. Таких наемников обыкновенно набирали из всей Скандинавии, стран варяжского побережья и Северной славянщины, с которой у скандинавов были постоянные торговые отношения. Ничто не привязывало к Рюгену этих людей, которых норманны называли «варягами», иногда прибавляя к этому наименованию сокращенное название их полуострова, так что общеупотребительным их именем было «варяго-россы». В то же время эти люди всегда были верны в исполнении договоров, и никогда не случалось, чтобы кто-либо из них уходил прежде, чем окончится уговоренный срок их службы, или не выполнял принятых на себя обязательств. Поэтому ими всегда дорожили, и

викинги-скандинавы никогда не отказывались принимать в свои дружины этих, по большей части, безродных людей.

Под начальством Эрика по прозвищу Черный Дракон был большой отряд, но зато все его подчиненные были очень тесно сплочены между собой, жили дружно и пользовались полным уважением жрецов Святовита.

Сообщение Икмора не на шутку обрадовало их. Скоро должен был кончиться их срок службы при дружине Святовита, и им пришлось бы возвращаться на Рослаген, не побывав в боях. А для них и жизнь не жизнь была, если кругом не кипела сеча, не было опасности. Они боялись, что на Рослагене просто засмеют их, когда им придется вернуться туда, а больше некуда было идти. Для самостоятельного похода отряд Эрика был слаб.

Оживленно разговаривая, варяги спустились с вала. Все население Арконы высыпало уже на побережье, расстилавшееся от ворот и вплоть до морских волн. Маленькая арконская гавань кипела оживлением. Драккары, стоявшие у берега, отводились: видно было, что для почетных гостей приготавливалось место. Звуки рогов не смолкали. Из ворот вышел небольшой отряд дружинников Святовита. Эти воины, закованные в железо, с тяжелыми мечами и щитами, сидели на могучих белых конях, тоже прикрытых от вражеских стрел кожаными глухими попонами. В сравнении с плохо одетыми, вооруженными только секирами да короткими мечами варягами, эти люди по внешности были олицетворением несокрушимой ратной силы и ее красоты. Но вместе с тем лица их были нежны, белы, выхолены, на них не заметно было ни решительности, ни упорства, ни того воинского духа, который так и сквозил в суровых варягах. Да оно и понятно. Дружинники Святовита стали теперь вождями собиравшихся рюгенских армий, их и в боях берегли, и в мирное время они являлись участниками всевозможных шествий, церемоний и привыкли выставляться больше всего напоказ, привыкли, чтобы ими любовались, а дело опасности – это уже выпадало на долю других.

Их и теперь в собравшейся на берегу толпе встретили криками восторга, тогда как варягов никто не замечал. Однако приветствия на этот раз были непродолжительны. Внимание толпы скоро отвлеклось другим. Трубные звуки с моря раздавались все громче и громче, и трубы на берегу вторили им. Вдруг завесу тумана словно разрезал стройный драккар. Он как будто вынырнул из какой-то бездны. Его черные, суженные кверху борта, острый, загнутый несколько с высоты к воде нос, высоко приподнятая корма с площадкой для рулевого так и вырисовывались в белесоватом тумане. С десятков весел медленно поднималось и опускалось, всплескивая воду. На носу стоял воин, что было сил дувший в рог. На корме, около рулевого, находился другой воин – типичный норманн в панцирной рубахе с медным нагрудником и в шлеме. Около него стояло еще двое людей, один исполинского роста, другой статный, стройный, с кудрями, выбивавшимися на плечи из-под шлема. Оба они тихо говорили между собой, то и дело указывая на Аркону. За этим драккаром выскользнул из тумана другой, третий, и скоро в маленькой гавани сошлась целая флотилия их. Когда первый, самый нарядный из них, подошел к очищенному для него месту и ряду выложенных камней, что заменяли собой пристань, приветственные кличи, звуки рогов, шум волн – все слилось вместе. В это время на борт нарядного драккара вскинуты были сходни, и три витязя, стоявшие на его корме, медленно сошли на твердую землю.

Среди варягов

Из толпы жрецов Святовита, стоявших всех ближе к пристани, отделился седой пронырливого вида старик в белом жреческом одеянии и, обращаясь к прибывшим, заговорил:

– Привет тебе, храбрый Освальд, сын Руара, – с этими словами старик слегка поклонился норманну и продолжал: – Привет и вам, пришельцы из далеких славянских стран, тебе, Владимиру, сыну Святослава, внуку Игоря и правнуку великого Рюрика, и тебе, сыну Малка.

Говоря с последними двумя, старик едва-едва наклонил свою седую голову, так что поклон его вышел совершенно незаметным.

– Великий отец и судья Бела, любимый служитель Святовита, – закончил свою коротенькую речь старик, – приказал мне передать вам, что он очень рад видеть вас благополучно переплывшими море. Идите за мной, вы будете гостями Святовита, отдохнете с дороги, которая была нелегка.

– Привет и тебе, мудрый Нонне, сын Локка! – воскликнул Освальд. – Передай твоему отцу и господину, мудрейшему Беле, что конунг мой великий Олав Трюгвассон, о котором громко поют саги в наших фьордах вдохновленные светлым Бальдром скальды, приказал передать ему поклон.

– Мы будем говорить об этом, храбрый ярл, потом, – прервал его Нонне, – великий отец Бела выслушает сам, что приказал тебе твой могущественный конунг, а теперь повторяю вам свою просьбу: пойдете, вас ждет отдых под приготовленным для вас кровом.

Он жестом пригласил прибывших следовать за собой. Дружинники Святовита повернули коней, открывая шествие. Впереди, по направлению к городским воротам, шпалерами вытянулись в два белых ряда младшие жрецы и жреческие ученики с трубами и особого рода тимпанами. За ними, как живое море, волновались сбежавшиеся из предместий Арконы мужчины, женщины, дети. Позади небольшой группы прибывших и Нонне шли варяги, но теперь число их сразу утроилось.

С подошедших драккаров, провожавших ладью посланца конунга Олава и славянских гостей, сошло много воинов. Среди них были норманны в панцирях и шлемах и варяго-россы, одетые, подобно их рюгенским товарищам, как попало. Старый ярл сейчас же нашел приятелей и друзей среди прибывших, его воины смешались с толпой; нисколько не стесняясь, все они громко приветствовали друг друга. Слышен был шумный разговор, взрывы веселого хохота.

Так дошли до ворот «бурга». За них вступили только конные дружинники Святовита, Нонне с гостями и жрецы. Для прибывших скандинавов и варягов было отведено помещение в предместье, где жили и рюгенские варяги. Там им был выстроен дом в одну длинную огромную комнату со скамьями вдоль стен под окнами. В зале было светло: освещали ее никогда не гаснувший очаг да множество смоляных факелов. Посредине зала стоял во всю длину его стол, уставленный к приходу гостей и хозяев только что зажаренными воловьими и бараньими окороками, огромными кубками с вином и другими яствами и питьями.

Эрик с тремя прибывшими варягами, Ингелотом, Руаром и Оскаром, уселись на самом дальнем конце стола. По обе стороны его разместились, кому где пришлось, остальные. Скоро зашумел веселый пир; слышался звон кубков, смех, беседа так и разливалась из конца в конец стола. Все теперь на этом пиру равны: не было ни старших, ни младших, ни кичливых норманнов, ни простоватых варяго-россов.

Были только обрадовавшиеся встрече добрые друзья, спешившие наговориться вдоволь, тем более, что оживлению беседы способствовало крепкое, будто не истощавшееся совсем в кубках вино.

– Клянусь громовержцем Тором⁴, – восклицал Ингелот, оглядываясь вокруг, – мой старший Эрик живет, будто он совсем забыл, как звучит шум сечи, как несется врагам в лицо вопль берсерков. Он будто никогда не совершал берсекеранга и не мчался на врага, далеко отбросив щит. Нет, Эрик! В светлой Валгалле, где наслаждаются павшие на земле в бою воины-эйнхерии, нет такого покоя, как здесь. Там они охотятся на чудного вепря, а здесь... Здесь я не вижу даже, чтобы какой-либо труд был для вас утешением. Я боюсь, Эрик, не затупился ли меч твой?

– Не говори так, сын своей матери, – прервал его, хмурия брови, Эрик, – ты знаешь, мы нанялись и должны служить до срока.

– А кто заставлял вас?

– На Рослагене не хватало хлеба!

– Вот отговорка! Будто мало хлеба у врагов!

– В то время было его мало. Никто не брал варягов в свои дружины. Ох, прошли те времена, и только в сагах поют про то, как ходили норманны и варяги и на пышную Лютецию⁵, и на зеленые острова Эрина⁶. Прогнали! Теперь даже прямым путем не пробраться в Византию. Наши же загородили путь. Теперь не добраться и до Хольмгарда⁷. А кто виноват тому? Кто виноват, я спрашиваю вас, друзья? Ведь Рюрик и Олав загородили все входы. Они завладели громадными землями славянскими на севере и на юге, и некуда идти теперь свободным викингам. А Рюрик и Олав были наши.

– Были наши, а стали свои собственные, увы, так это, – согласился Ингелот.

Громкие крики прервали беседу приятелей. Крики эти были радостны и выражали полное удовольствие всех пирующих. Особенно шумно выражали свой восторг суровые и молчаливые норманны.

– Скальд, скальд, – кричали они на разные голоса.

Из их среды выступил красивый молодой человек с сиявшими вдохновенными глазами. Он, отойдя от пирующих, сел на отдельную скамью и задумался, опустив голову на ладони рук.

– Скальд Зигфрид споет нам драгу, – шепнул Ингелот Эрику.

– Как давно не слышал я вдохновенного самим светлым Бальдром⁸ певца, – вздохнул тот и устремил на Зигфрида испытующий взор.

В зале воцарилось молчание. Все с напряженным ожиданием готовились слушать певца, складывавшего свою песню. Наконец Зигфрид отнял лицо от ладоней, огляделся по сторонам и запел звучным молодым голосом:

Войне от колыбели
Обрек он жизнь свою,
Ему и стрелы пели,
И я теперь пою!

– Драга об Олаве Трюгвассоне, – тихо прошептал Руар, склоняясь к Эрику, – ты, друг, пожалуй, не слышал ее.

Зигфрид пел все более и более звучно, мерные строфы словно рождались одна за другой в голове поэта. Он пел, как конунг Олав со своими викингам явился к берегам далекой

⁴ Божество грома и войны у скандинавов.

⁵ Париж.

⁶ Ирландия.

⁷ Новгород.

⁸ Бог солнца, любви, искусств у скандинавов.

Италии и там брал дань с городов, расположенных у моря. Он пел, как в молодости своей Олав был первым на всех состязаниях: и в беге, и в прыжках. Песнь его была сплошь похвалой славному конунгу, овладевшему всей Скандинавией. И вдруг она как-то сразу оборвалась, словно рыдание вырвалось из груди. И совсем другим уже и более грустным голосом он запел:

Презренен, кто для сладкой песни
Забыл стук копий и звон мечей:
Валгаллы светлой, дивной тени
Не видит взор его очей!

Зигфрид пел уныло, жалобно. Он говорил в своей новой песне о том, что есть конунги и викинги, которым женская прялка заменила меч. Ни одного слова не было в ней о конунге Олаве, но переход от громких похвал к жалобным упрекам и без слов подсказывал, что именно о славном норманне говорит песня во второй своей части. Слушатели скальда приуныли и сидели теперь, опустив головы, как бы разделяя тихую скорбь своего певца.

– Он прав, этот вдохновенный певец, – громко воскликнул Оскар, ударив кулаком по столу, – с некоторого времени все во фьордах пошло по-иному!

– Что ты хочешь сказать этим, друг? – спросил Эрик. – Неужели конунг Олав Трюгвассон мог забыть свою прежнюю доблесть? Неужели намеки Зигфрида касаются его?

– Одно тебе скажу, мой Эрик: конунг Олав не прежний.

– Но что с ним? Какая перемена?

– Он удаляется от битв и пиров. Кругом него такая скука, как и в темнице. Нет более прежних победных походов, мир и тишина спорят между собою около когда-то славного Олава.

– Что же с ним сделалось?

– Он стал слишком слушать жрецов иных богов и отвернулся от Одина и других асов, вот они и покинули его! – вставил свое слово Руар.

– Я ничего не понимаю! – воскликнул Эрик. – Скажите мне, друзья, как это могло случиться?

– Это случилось после того, как Олав ходил к берегам Италии. Там он услышал про нового Бога и захотел слушать Его жрецов.

– Какого Бога? Уж не Бога ли христиан?

– Вот именно. Он привез с собою на север жрецов христианских и стал проводить время в беседах с ними.

Старик Эрик покачал своею седою головою.

– Не раз слышал я про этого нового Бога, – сказал он, – от Него и в самом деле могут погибнуть и Один, и Святовит, и славянский Перун. Говорят, Он всемогущ.

– Уж не знаю, – проговорил Руар, – а скажу одно, что где бы ни появился жрец этого Бога, всюду люди меняются и забывают о битвах, о кровавой мести и только лишь толкуют о том, что врагам нужно прощать, что нужно любить всех, как самого себя. Да разве это возможно? Я уже не говорю о том, что после бесед с христианскими жрецами народ становится холоден к своим древним богам.

– Вот потому-то здешний главный жрец Святовита, этот старик Бела, так и ненавидит христиан, – заметил Эрик.

– Ненавидит? – воскликнул Ингелот.

– Для него нет большей радости, как уничтожить христианина.

– Ну, теперь я многое понимаю! Ведь Освальд, сын Руара, наш вождь, хотя и именуется посланником конунга Олава Трюгвассона, но на самом деле он никогда им не был! – Как так? – воскликнул удивленный Эрик.

– Клянусь тебе асами, что так. Ты видел этого молодого русса, что был вместе с Освальдом?

– Да. Я слышал, Нонне назвал его сыном Святослава, русского князя.

– Так, так! Он именно сын этого славного воина и сам князь северных руссов.

– Зачем же он между вами?

– А затем, что он бежал со своей родины. Старший брат его по имени Ярополк остался княжить в Киеве; среднему отец отдал большую и богатую область, а этому, теперешнему гостю Арконы, назначил быть князем в древнем Хольмгарде. Когда отец был убит, киевский Ярополк захотел быть князем всех руссов. Он убил среднего брата и добрался вот до этого, Владимира, но тот успел убежать во фьорды к конунгу Олаву. Олав сам не раз бывал в Хольмгарде, он принял молодого сего князя, помог ему набрать дружину, ну, словом, стал тот викингом. Владимир не раз ходил в походы за море и показал себя храбрецом. Только у молодца вовсе не было мысли оставаться на всю жизнь на службе у конунга. Он задумал кое-что другое. Владимир просто рассчитал, что конунг Олав поможет ему прогнать из Киева Ярополка.

– А тот что же? Неужели отказался? – воскликнул Эрик, и глаза его зловеще блеснули.

– В том и дело, старый мой друг, что около конунга Олава в это время был христианский жрец, и Олав, этот славный герой, склонил свое сердце к его убеждениям. Христианский жрец стал ему говорить, что Ярополк любит христиан и поэтому нельзя идти на него войною.

– И конунг Олав послушал жреца?

– Олав наотрез отказал дать Владимиру свои дружины для покорения Киева и руссов. Тогда-то ярл Освальд, который также не терпит христиан, сам объявил поход, но, увы, воинов собралось не много. Именитые ярлы и викинги не хотели идти против воли конунга. Но конунг запретил и варягам идти с ярлом и русским князем. Тут-то Освальд и схитрил. Он объявил, что варяжские дружины нужны ему не для похода против руссов, а будто бы собираются им только для арконских жрецов.

Кое-кто остался, не пошел с ярлом, но все-таки собралась небольшая дружина. Для похода нас было мало, и Освальд решил попытать счастья здесь, в Арконе. Может быть, Бела вынесет знамя Святовита и, конечно, даст в помощь Владимиру свои варяжские дружины. Понял, мой старый Эрик, какое задумано дело?

– Что же? – раздумчиво произнес Эрик, – я не прочь пойти на Днепр: от Киева близка и Византия. Да и Киев город богатый. Там можно много найти ценной добычи.

– А пойдут ли за тобой твои?

– Мы все служим Святовиту, – пожал плечами старый варяг, – пошлет нас Бела, и мы пойдем. А там скоро кончится срок нашей службы, и мы все станем свободны.

– Так мы, стало быть, будем товарищами?

– Разве у вас все решено?

– Все! Даст Бела помощь или не даст, а я и все, кто со мной, пойдем за Освальдом и Владимиром!

– Тогда что же и говорить! Сами асы покровительствуют нам и нашей дружбе. Только пока не сообщай никому, что я тебе поведал. Молчать придется недолго. Освальд здесь не засидится. Руку, друг! Будем пить за былые встречи на полях битв. Тс, Зигфрид опять поет.

Скальд пел теперь веселую песню. Его слушали с восторгом. Пир зашумел еще сильнее, когда Зигфрид кончил свою песню. Теперь, когда головы пирующих порядочно были затемнены вином и беседа стала общей, встретившиеся друзья достаточно наговорились между собой. Слышались отдельные, чаще всего бессвязные восклицания, воины шумно

рассказывали о своих боевых подвигах. Совсем незаметно день склонился к вечеру, но пир все еще продолжался, и только поздняя ночь прекратила его. Тишина водворилась в недавно шумном зале, слышались храпение, бред; наконец, сам собою потух и очаг.

Гости

Пока варяги и скандинавы пировали, во дворце главного жреца Святовита, Белы, происходило другое.

Старый Нонне привел в обширный дворцовый покой Владимира, Добрыню и Освальда и здесь оставил их одних.

– Клянусь Перуном, – воскликнул Владимир, встряхивая своими кудрями, – здесь нас встречают куда приветливее, чем у конунга Олава.

– Я это предсказывал тебе, – заметил Освальд.

– Только бы поскорее кончились все эти переговоры. Я тоскую по родной стороне.

– Скоро, племянник, скоро! – вступился Добрыня. – Отсюда мы пойдем в Новгород.

– Ах, поскорее бы! – сказал Владимир, и в голосе его ясно слышно было тоскливое чувство. – Поскорее бы! Меня измучила эта разлука с родиной, а как вспомню я, что брат Олег до сих пор остается неотмщенным, так стыдно становится жить на свете.

Добрыня долгим, испытующим взором смотрел на племянника, как бы желая проникнуть в тайники его души.

Добрыня Малкович был высок ростом, широк плечами. Грудь его была поистине богатырская, выпуклая. Он казался выше Освальда, тоже воина не из малорослых. И вид Добрыни был внушительный. Голова его оставалась не выбритою, как у варягов, а покрытой густыми, начинавшими седеть волосами, ниспадавшими до плеч, по обычаю всех днепровских славян. Черные глаза как-то особенно выглядывали из-под густых нависших бровей. Взгляд их был выразителен; в нем так и светились непреклонная железная воля, ничем несокрушимое упорство и вместе с тем полнейшее душевное спокойствие, уравнивавшее все чувства и порывы этого славного богатыря.

Добрыня Малкович был ближайшим другом и воеводою погибшего в 972 году среди печенежских орд великого киевского князя Святослава Игоревича. Мало того, он был его шурином по своей сестре Малуше. Брат и сестра из Любича попали пленниками в Киев. Здесь судьба распорядилась так, что пленные мальчик и девочка попали к княгине Ольге, матери Святослава. Девочка осталась и выросла на попечении мудрой княгини, Добрыня стал товарищем сперва детских игр Святослава, потом участником его знаменитых походов. Судьбе угодно было, чтобы Малуша стала супругою русского князя, и от этого брака родился младший сын Святослава Владимир.

Малуша была добрая, любящая женщина. Вместе со своей княгиней она посещала христиан, которых немало было в Киеве еще со времен Аскольда и Дира, сильно склонялась к христианству сама, и только боязнь огорчить Святослава помешала ей принять крещение, но невольно для самой себя она вложила в своего пылкого, впечатлительного сына первые зачатки христианства. Княгиня Ольга, которой нечего было бояться грозного князя, с тех пор как Владимир помнил себя, внушала ему христианские истины. Но суровый Святослав рано отнял своего младшего сына от бабки и матери, и частые походы, кровавые сечи заглушили в юноше семена добра, детские впечатления изгладились из памяти, молодая пылкость окончательно поглотила их. Душа Владимира была полна стремления к земным наслаждениям, к земному счастью, и никакая мысль о небесном не тревожила его.

Случилось так, что Святослав, отправляясь за Дунай «добывать» себе болгарское царство, разделил только еще недавно сплоченную Олегом Северную и Южную Русь между тремя своими сыновьями. Старший Ярополк получил Киевскую землю, средний Олег – древлянскую; младший Владимир – Новгород. С Владимиром отправился в качестве опекуна и его дядя Добрыня Малкович. После смерти Святослава ближайший воевода Ярополка, его опекун Свенельд, мстя за своего сына Люта, убитого Олегом Древлянским, побу-

дил своего князя пойти на брата войной. В одной из схваток Олег был убит. Когда весть об этом дошла до Новгорода, Добрыня испугался за участь любимого племянника. Он был уверен, что Свенельд стремится для Ярополка к единовластию и после Олега должен наступить черед и Владимира. Новгородцы казались ему ненадежными. По крайней мере, они отказались дать ему дружины для мести за Олега. Страшась, как бы Новгород не выдал Владимира киевскому князю, Добрыня заставил племянника уйти за море, к конунгу Олаву. Надежды его на скандинавского владыку не оправдались, и теперь все будущее молодого сына Святослава находилось во власти арконского жреца. Однако Добрыня Малкович и виду не подавал, что душа его полна тревоги. Недаром он давно уже был искушен во всяких «дипломатических» сношениях. Сколько раз при Святославе он вел переговоры и с венграми, и с ляхами, и с хитрыми византийцами, знал все их увертки, научился прятать свои мысли и чувства в сокровеннейшие тайники души и бесстрастно поглядывать вокруг, когда в сердце кипела страшная буря тревоги и напряженного ожидания.

Владимир Святославович был молод и к своему положению относился с задорной беззаботностью.

Будущее не пугало его. Он помнил прошлое и узнал настоящее. Силы так и кипели в молодом здоровом теле. Два года боевой, полной всевозможных приключений жизни развили в нем и статного витязя. Явилось сознание силы, а вместе с этим и полная уверенность в успехе. Неудачи не надламывали молодой энергии. Жизнь улыбалась этому изгнаннику, и более всего выводила его из себя осторожная медлительность дяди Добрыни.

Красив был собою Владимир Святославович! Рост его средний шел к статной, словно отлитой фигуре. Русые кудри, холеные, прилежно причесанные, рассыпались по его плечам, небольшая русая борода, незаметно переходившая в шелковистые усы, закрывала губы и подбородок; голубые глаза светились молодой пылкостью, задором, веселостью и вместе с тем истинно-славянским добродушием. Когда Владимир смеялся, все лицо его так и сияло. Когда он улыбался, глаза его так и лучились. Щеки его горели здоровым розовым румянцем, но в то же время и в фигуре, и в движениях, и в манере держать себя сказывалась богатырская и физическая мощь, привычка повелевать, а в словах сквозили и ум, и тонкая наблюдательность.

Ярл Освальд был высок ростом, сутуловат и медлителен в движениях, в чем, несомненно, сказывалась его привычка постоянно носить тяжелое вооружение; левая рука его не отходила от левого бедра, как будто постоянно придерживала у пояса тяжелый меч. Черты лица Освальда были крупны, резки. Давно начавшие сесть усы, как две змейки, спускались на грудь и придавали скандинаву вид какого-то чудовища.

Покой, где находились эти трое гостей арконского жреца, был высок и непригляден. Все убранство его составляли тяжелые шкуры, задрапировавшие стены. Свет проходил через крохотные оконца, пробитые почти под потолком. От этого покой был мрачен, и невольно тоскливое чувство закрадывалось в душу тех, кому приходилось оставаться в нем долгое время.

Кругом была мертвая тишина. Ни звука, ни движения не чувствовалось за этими угрюмыми стенами, жизнь словно замерла, как только эти трое людей переступили порог мрачного покоя.

– Что же, так и будем сидеть в этих стенах? – с нетерпением воскликнул Владимир.

Освальд беззвучно засмеялся.

– Юность нетерпелива, она не понимает старости, – сказал он, – а здесь кругом нас только старики. Медлительность свойственна их возрасту.

– О, ярл! – воскликнул Владимир. – Ты не старик, а тоже не желаешь понять, как мне хочется поскорее вернуться. Но ты воин, я дивлюсь, как не сочувствуешь ты мне, жаждущему яростного отмщения за кровь несчастного моего брата.

– Все придет в свое время, племянник! – перебил Владимира Добрыня, боявшийся, что молодой князь скажет что-либо лишнее.

– Придет, придет, – крикнул тот, приподнимаясь с ложа, на котором лежал до тех пор, – а каково томиться муками ожидания.

– Всякое ожидание учит мудрости.

– Знаю, знаю! Но что поделаешь, когда тоска лютой змеей грызет сердце. Ярополк, Рогвольд! Они теперь беззаботно наслаждаются счастьем.

– И гордая Рогвольдовна готовится разуть сына королевы Предславы! – вдруг раздался тихий, неприятный, похожий на шипение змеи голос, заставивший всех троих гостей быстро вскочить со своих мест.

Кроме них в покое был теперь низкий сгорбленный старик в белом, ниспускавшемся до пят одеянии. Никто из гостей даже и не заметил, как он появился здесь, и его вмешательство в разговор стало полнейшей неожиданностью. Старец этот, несмотря на свою наружную дряхлость, выступал твердой поступью. В правой руке у него был длинный жезл, заканчивавшийся золотым изображением конской головы, но опирался на него старик легко, почти не касаясь его нижним острием пола. Голова, впавшая глубоко между плечами, однако, держалась твердо. Глаза смотрели выразительно и, несмотря на преклонный возраст старика, все еще сохраняли свой блеск. Череп был совсем гол, только на висках и затылке виднелись пряди седых редких волос. Длинная, ниже пояса, вся седая борода, падая на белую, как снег одежду, почти сливалась с нею. Голос старика, хотя он говорил тихо, звучал твердо и непреклонно.

– Великий отец Бела, – воскликнул, увидав старца, Освальд, – вдохновенный любимец грозного Святовита!

С этими словами ярл, низко, коснувшись рукою до пола, поклонился старику. Поклонился и Добрыня, но поклонился степенно, даже важно, с чувством собственного достоинства. Зато Владимир, услышав имя грозного Святовитова жреца, вдруг бросился к нему и торопливо заговорил несколько взволнованным голосом:

– Так вот каков ты, великий отец, чья воля держит в своих руках все побережье Варяжского моря! Привет тебе, великий, привет мой! Будь здоров долгие еще годы, и да прославит грозный Святовит тебя своею помощью!

Владимир с пылом схватил руку старца и, наклонившись всем корпусом, положил ее себе на голову.

На лице Бела промелькнула тень удовольствия. Поступок молодого славянского князя пришелся ему по душе. Он не сразу отнял свою сухую руку с головы Владимира и несколько раз ласково провел ею по его русым кудрям.

– Привет мой и тебе, Красное Солнышко! – голосом, утратившим шипение, произнес он. – Великий Святовит благословляет твой приход ко мне. Я уже вопрошал его, и он мне сказал, что ты благословенный гость в его чертогах. И вот я, смиренный исполнитель воли всемогущего божества, сам явился к вам, дабы возвестить вам милость Святовита.

Бела

Бела протянул руку Владимиру и с его помощью дошел до широкого, устланного мягкими звериными шкурами ложа.

– Сядь, сын мой, около меня, – по-прежнему ласково проговорил он, – твои кудри так мягки, что моя старая рука отдыхает, касаясь их. Садитесь и вы, могучие витязи, – кивнул старик в сторону Добрыни и Освальда, – я хочу говорить с вами, и помните, что моими устами будет предлагать вам свою волю сам великий и могущественный Святovit.

Глаза Добрыни как-то странно блеснули при этих словах Белы. На мгновение в них отразилось не то недоверие, не то насмешка. Как будто Владимиров дядя хотел сказать: «Знаем мы, как ваши боги говорят вашими устами! У нас в Киеве жрецы Перуна вот так же нам говорят! Стоял за шкурами да подслушивал, вот и появился, словно из-под земли! Да впрочем, говори, только бы для племянника польза была. А там мы и сами посмотрим, как нам с тобой говорить, теперь же твой верх!»

Старый Малкович, как и большинство славянских витязей, был совершенно равнодушен к верованию в созданных народом богов. Слишком он много перевидал на своем веку. Славянский Перун, прибалтийский Радегаст и Сварог, арконский Святovit, норманнский Один, – что ни народ, то бог! Всем им где же верить, так пусть уже старики да женщины к этим созданным человеческими руками богам прибегают, а храбрый витязь больше на свой меч должен надеяться. Но вместе с тем Добрыня знал, что всюду жрецы выступают как умнейшие люди, великая сила, и потому раздражать их да перечить им опасно, особенно тогда, когда приходится обращаться к ним с важными просьбами. Поэтому он только вздохнул и опустил глаза, боясь выдать их блеском свои мысли.

Бела между тем продолжать ласкать Владимира, опустившегося к его ногам.

Сгорбленный, отживший свой век старец и молодой, полный жизни красавец составляли чудную группу. Даже суровый Освальд невольно залюбовался ею и воскликнул:

– Да поразит меня свирепый Локи⁹, если я когда-нибудь слышал, чтобы великий Бела так принимал кого-то из своих гостей!

Бела поднял на него глаза и чуть заметно улыбнулся.

– Я слабый исполнитель воли божества, – произнес он.

– Так, стало быть, твой Святovit благосклонен ко мне! – вскричал Владимир.

– Я уже сказал, – ответил Бела, – что твой приезд приятен Святovиту.

– Тогда он поможет мне вернуть стол моего отца и отомстить за брата!

Бела покачал головой:

– Увы! Я не могу еще сказать тебе, сын мой, этого.

– Отчего, отец?

– Я вопрошал Святovита лишь о твоём прибытии на Рюген.

– Тогда спроси его скорее. Спроси, отец, я принесу, какие ты назначишь, жертвы, твоему богу. Ах, отец, как тяжело знать, что кровь остается неотмщенной!

– И обида тоже! – тихо сказал Бела.

– Ты о Рогвольдовне? – вспыхнул Владимир, и глаза его загорелись диким огнем. – И сюда уже дошли вести о моей обиде? «Сына рабыни разуть не хочу!» О-о-о! Змея лютая! Она ужалила меня в сердце, и боль не прошла еще. «Сына рабыни!» Моя мудрая бабка называла мою мать дочерью, мой отец не имел после нее других супруг. Рабыня! Слышишь, дядя? Рабыня! Ты тоже раб? И кто говорит это? Дочь чужака, пришедшего неведомо откуда. Ведь

⁹ Божество подземного огня у древних скандинавов.

землю кривичей из милости Ярополк-братоубийца дал Рогвольду во владение, а я князь по рождению. Сын рабыни! Да все они кровью, жизнью своей поплатятся за эти слова!

В сильном нервном возбуждении Владимир вскочил на ноги и теперь, тяжело дыша, стоял перед Белой. Лицо его так и пылало, глаза горели, гнев всецело овладел им. Бела и Освальд любовались молодым князем. Добрыня, казалось, совершенно равнодушно смотрел на племянника.

– Ты, войдя сюда, – продолжал Владимир, обращаясь к Беле, – сказал: братоубийца Ярополк берет за себя супругой Рогвольдовну. Так я скажу, что этого не будет!

– Кто же помешает им? – спросил Бела.

– Я!

– Ты? Уж не один ли ты пойдешь на полоцкого и киевского князей?

– Подниму Новгород, если ты мне не поможешь.

– Да, если только удастся. Знаю я этот народ приильменский! – возразил Бела. – Ох, как я его знаю! Они у себя шумят, кричат на вече, а на всякую войну идут неохотно.

– Теперь за мной пойдут. В Новгороде уже извели, каковы посадники Ярополка. Слышали мы с Добрыней, как плачутся, меня вспоминая. Рады будут, когда вернусь. Слышишь ты, кривичи с Рогвольдом верх над Новгородом берут. Полоцк выше Новгорода забирается. Ко мне уже гонцы были, вот и иду я теперь в свою область, сперва до Полоцка доберусь, с Рогвольдом посчитаюсь, а потом и Киев посмотреть пойду. Мне, если хочешь знать, так и твоей помощи не нужно.

Тень неудовольствия набежала на лицо Белы.

– Зачем же ты явился просить о ней? – холодно спросил он.

– А так. Дашь дружины, убытка не будет, пригодятся, а не дашь – все равно!

Гневный порыв уже прошел. Владимир успокоился и теперь говорил, то и дело взглядывая на дядю, как бы ища в его глазах одобрения своим словам. Добрыня сидел все время понурившись, но при последних словах племянника встрепенулся и, устремив на Белу взор, заговорил:

– Правду, отец Бела, говорит племяш-то мой, на Руси за нас и Новгород, и Киев, и вся Древлянина. Слово скажи, появишься среди них – поднимутся и пойдут. А если пришли мы просить у тебя дружины, так нужна она нам как охрана в пути, да на первый какой-нибудь случай, ибо как князю без войска быть? Вот тебе мой сказ, а на остальном твоя воля.

Малкович смолк и с удовольствием погладил бороду. Он видел, что его слова произвели впечатление на жреца Святовита. Бела в самом деле недоуменно посмотрел на Освальда, как бы желая узнать, каково его мнение, но норманнский витязь сидел, потупив голову, и не промолвил ни одного слова. Он как будто был сконфужен чем-то и страшился поднять глаза на Белу. Тот понял, что от норманна ждать объяснений, по крайней мере, немедленно, нечего, и чуть слышно вздохнул. Старик ожидал, что пришельцы придут к нему и будут униженно просить помощи. В ответ он решил поставить свои условия, предварительно измучив их ожиданием, но выходило совсем не то. Ясно было, что они искали только союза и на все, что он им предложил бы, могут и не пойти. По крайней мере, так понял Бела речь Добрыни. Теперь старик пожалел, что отнесся слишком ласково к Владимиру, но изменить обращение, показать себя неприступно серьезным, по его мнению, было уже поздно.

– Не будет от тебя нам помощи, – продолжал между тем Добрыня, знаком показав племяннику, что тот должен не прерывать его, – так мы и в другом месте отыщем ее. Мало ли храбрых королей и князей окрест нашей Славянины есть? Король Мечислав у ляхов, король венгров с верховья Истра – все это друзья и побратимы покойному нашему князю Святославу были, так авось не откажут в помощи и его сыну. А если с ними не сговоримся, так к половцам пойдём. Их ханы до ратного дела охочи, тьму людей дадут. Таков мой сказ тебе, отец Бела. Но ежели мы к тебе первому пришли, так потому лишь, что владения твои

первыми нам по пути попались да слышали мы вот от нашего друга Аскольда, – переиначил на славянский лад Добрыня имя норманна, – что и ты, отец, не прочь ратного дела, ибо засиделись дружины твои да и казна Святовита тощать стала. Вспомнили и пришли, ведь от речи убытку не будет, а выйдет у нас дело с тобой или нет, про то не станем пока до поры до времени загадывать. Так-то, отец!

Голос Добрыни звучал уверенно.

Говорил славянский витязь совершенно свободно, как будто перед ним был не всемогущий жрец таинственного рюгенского божества, а во всем равный ему, изгнаннику, человек. Уверенность и твердость Добрыни произвели впечатление. Бела не то чтобы смутился, но у него были свои планы в отношении этих русских витязей, и он смотрел на них как на своих покорных слуг, беспрекословных исполнителей своей воли – и вдруг неожиданный отпор в виде указания на то, что в его помощи эти люди далеко не так нуждаются, как он, Бела, ожидал! Однако Бела сейчас же нашелся, как выйти из своего затруднительного положения.

– Ох, сын Малка, – произнес он, – совсем не ко времени твои эти речи!

– Лучше все сразу сказать, – ответил Добрыня.

– Да на это и другую пору найдем. Экие вы! Прямо с пути – и за дело!

– Ты, отец, сам заговорил! – перебил его Владимир.

– О чем? О Рогвольдовне? Так это так, к слову пришлось. Я обрадован был, что грозный Святовит благосклонен к вашему прибытию, и поспешил сам прийти к вам, дабы пригласить вас с дороги разделить с нами, служителями Святовита, скромную нашу трапезу.

А вы сейчас же и за дела! Забудьте о них и помните, что вы гости Святовита. Путь ваш был долог, море бурно, и, думаю я, что, забыв о всех делах, должно прежде всего дать покой и усладу истомленному телу. А ты, мой сын, – закончил он, обращаясь к Владимиру, – пылок, как юноша! Вижу я, что сердце твое страдает от обиды, но это ли тяжкое горе? Эх, дитя, дитя! Так ли змеи жалят человеческие сердца! Будешь жить, узнаешь сам, что и горшие страсти мутят вас, славных людей, и только тот, кто, подобно мне, весь живет в божестве, может не страдать от них. Нонне!

Нонне! – захолопал в ладоши Бела.

Невидимые руки распахнули шкуры, висевшие на одной из стен, и показался старый жрец, встречавший гостей на морском берегу. Он скрестил на груди руки, так что пальцы касались его плеч, и, низко склонившись пред своим владыкою, застыл в этой позе, ожидая приказаний.

– Все ли готово, мой Нонне, для наших гостей? – спросил Бела.

– Ты повелел, могущественный! – последовал ответ.

– Так проводи их в зал трапез. Тебе я поручаю их; я же пойду к Святовиту, ибо настало время моления моего пред ним. Идите, дорогие гости, утоляйте ваш голод, запейте франкским вином вашу жажду, потом возлягте на ложе, и да пошлет вам Святовит добрые сны!

Он слегка поклонился своим гостям; Нонне жестом руки пригласил их следовать за собой. Освальд, уходя, тоже низко поклонился старому жрецу. Добрыня отвесил поклон со степенной важностью, Владимир же подошел к Беле и, положив свою руку на его плечо, произнес ласковым голосом, в котором не осталось и следа недовольства:

– Отец, мне кажется, ты полюбишь меня. Не кори меня моей молодостью, попроси Святовита, чтобы он помог мне сесть на киевский стол, и ты найдешь во мне навсегда преданного друга.

На пиру

Нонне вел гостей длинными запутанными переходами. В них стояла такая темь, что только один старый проводник мог идти спокойной поступью. Остальные то и дело спотыкались и, чтобы удержаться на ногах, схватывались друг за друга. Невольно даже в неробкие сердца воинов закрадывался страх.

– Войти мы вошли, а как вот выйдем? – пробормотал словно бы про себя Добрыня.

Нонне услышал его и круто обернулся.

– Ты боишься, вождь? – спросил он.

– Чего боюсь? Ничего я не боюсь, – угрюмо ответил Малкович, – и будто бы нет другого пути в трапезную вашу залу! Здесь ведь и запутаться легко.

– Да, – несколько загадочно сказал Нонне, – кто раз прошел по этим переходам, тому трудно вернуться без помощи Святовита обратно, – голос жреца звучал и насмешкою, и загадкою.

– Но вы, чужеземцы, не бойтесь ничего, – продолжал Нонне, не слыша, чтобы кто-либо из спутников сказал ему в ответ хотя бы одно слово, – я проведу вас назад другим путем, и вы вновь увидите сияние солнца, услышите шум морских волн, но прежде всего вы должны взглянуть на тайну божества и преклонить колена пред владыкою воздуха, морей и земли, великим, грозным Святовитом. Такова воля моего отца-повелителя Белы.

– Пусть будет так, – беззаботно вскричал Владимир, – хотя я теперь предпочел бы чашу франкского вина и хороший кусок прожаренного на углях мяса. Но что же? Обязанность гостей покоряться во всем воле хозяина. Но что это слышу я?

Владимир остановился и схватил руку Добрыни.

Откуда-то до них доносились жалобные стоны. Казалось, где-то совсем близко мучается страшной, невыносимой болью человеческое существо. Стоны то слабели, то переходили в отчаянный, ужасающий рев. В них слышалось безумное отчаяние, предсмертная тоска и жажда смерти, которую как будто удаляли нарочно, дабы продлить эти страдания. Между тем решительно ничего не было видно в полутьме лабиринта. Страшные звуки выходили как будто из глубины. По крайней мере, все трое витязей были уверены, что они слышат их у себя под ногами.

– Клянусь Одином, – вскричал Освальд, – так не режут и пикты, когда их поражают секиры берсерков. Вероятно, в подземелье Святовита несладко тем, кто туда попадает.

Они стояли, не двигаясь. Непонятный ужас приковал их ноги к холодному полу. Нонне тоже остановился и, полуобернувшись, с насмешкой сказал:

– Ты прав, ярл! Великий Святовит бесконечно милостив к тем, кто ему покорен, и не знает пощады к врагам. Он мстит противящемуся ему и при жизни, и в мире теней, где он царствует так же, как и на земле. Не хотите ли взглянуть на обреченных?

– Нет, нет, Нонне! – вскричал Владимир. – Молю тебя, избавь нас. Долгий путь и без того истомил наши тела, и отдых необходим нам. Веди нас скорее прочь. Эти вопли растерзали мое сердце.

Но Нонне был неумолим.

– Я должен показать вам жертвы Святовита, – произнес он, – мы находимся как раз около обреченных.

Добрыня незаметно дернул племянника за рукав, как бы указывая, что необходимо повиноваться желанию кровожадного жреца.

Владимир понял, что хотел выразить дядя.

– Так показывай скорее все, что хочешь, – согласился он, – только, говорю, скорее.

Жрец сделал едва заметное движение рукою, и вдруг сразу пропала одна из стен лабиринта. Стало светло, и в некотором отдалении от себя, но гораздо ниже своих ног, гости Белы увидели несколько человеческих существ – человеческих лишь потому, что они фигурой были похожи на людей. Одно из этих существ было распято на двух скрещенных друг с другом бревнах. Из бесчисленных надразов на теле крупными каплями струилась кровь. Другое существо, также обнаженное, было заключено в клетку с железными прутьями. Оно кричало и ревело, делая страшные и, казалось, совершенно бессмысленные прыжки. Прутья клетки были раскалены и краснели, вспыхивая то и дело огоньками. Владимир понял, что пол клетки нагревался и это было причиной бессмысленного прыганья несчастного страдальца. Как ни крепки были нервы этого молодого, но уже закаленного в боях человека, он все-таки не мог вынести ужасного зрелища и отвернулся. Освальд, еще более крепкий, чем новгородский князь, тоже стоял, закрыв лицо ладонями рук. Один Добрыня совершенно равнодушно смотрел на происходивший перед его глазами ужас.

– Скажи, Нонне, – тихо, несколько дрожащим голосом спросил Владимир, – что сделали эти люди? Какая вина обрекла их на эти пытки?

– Это христиане! – злобно хохоча, вскричал Нонне. – Этих людей Святovit ненавидит более всех врагов. Муки их – наслаждение ему.

– Христиане. Христиане, – пробормотал Владимир.

Он хотел еще что-то сказать, но Добрыня опять остановил его.

– Да полно тебе, жрец, путать-то нас, – проговорил он, – уж не думаешь ли ты, что такие ваши дела, – кивнул Малкович в сторону несчастных страдальцев, – так устрашат нас, что заробеем. Поди, скажи твоему Беле, что нас пугать нечего. Мы пришли к вам в Аркону по доброй воле, и договор наш тоже да будет заключен добровольно. Страхи же ваши нам нипочем. Веди нас далее.

На этот раз голос старого витязя звучал уже далеко не шуточной угрозой. Притом же Добрыня, произнося последние свои слова, так повел плечами, что даже Нонне вздрогнул. Жрец привык к подобострастию со стороны тех, кто являлся с просьбами о помощи к их повелителю Беле. Но этот славянин заговорил скорее угрожающе, и Нонне, получивший от Белы подробные инструкции, несколько рассердился. Ему в самом деле приказано было показать гостям ужасное зрелище. Бела рассчитывал, что пришельцы устрашатся и пойдут на все те условия, которые он поставил бы им.

Однако он строго приказал своему слуге-жрецу не прибегать ни к каким крайним мерам, а лишь наблюдать за тем впечатлением, которое произведет на гостей страшное кровавое зрелище.

Теперь Нонне видел, что благодаря хладнокровию Добрыни впечатление произведено самое слабое. Недовольный самим собою, он трижды хлопнул в ладоши, и стена мгновенно закрылась без всякого шума, как будто чьи-то невидимые руки поспешно запахнули ее.

– Вот так-то лучше, Нонне, – воскликнул Освальд, – теперь веди нас скорее. Думаю, что конец этим вашим проклятым переходам скоро.

– Путь познается по своему концу! – и насмешливо, и загадочно произнес в ответ старый жрец.

На этот раз Добрыня промолчал.

Идти им теперь и в самом деле пришлось недолго. Нонне вдруг скрылся совсем из глаз, потом распахнулись невидимые завесы стены, и трое витязей очутились в огромном зале, слабо освещавшемся небольшими окнами наверху и огнем в огромном очаге, устроенном в одном из углов. Стены угрюмого зала были завешаны звериными, шерстью вверх, шкурами, между ними были прикреплены огромные развесистые туры рога, оставленные на выветрившихся и совершенно белых черепках. Посреди зала, ближе к очагу, стоял длинный, узкий стол и около него высокие дубовые, покрытые шкурами скамьи. В конце стола,

чуть поодаль от него, на возвышении, установлено было кресло-трон с высокой спинкой и мягким сидением. Когда вошли витязи, кресло уже было занято. На нем восседал старый Бела, казавшийся издали, благодаря своей одежде, белым пятном. Около него стояли двое молодых жрецов, а у возвышения – четверо рослых и красивых воинов Святовита, также в белых длинных одеяниях, в медных, ярко блестящих латах. Двое держали остриями книзу длинные тяжелые мечи, остальные – массивные секиры на плечах. Головы воинов не были прикрыты; русые волосы волнами падали на плечи. Дружинники стояли неподвижно, как изваяние. Вся эта группа, со старцем в центре, была красива, и Владимир, как более впечатлительный, невольно залюбовался ею так, что даже забыл поклониться при входе старому жрецу Святовита.

Бела заметил, какое впечатление произвел он на славянского князя, и слабо улыбнулся.

– Приди ко мне, о юный, – произнес он, протягивая к Владимиру руки, – еще раз приветствую тебя, ибо я опять вопрошал Святовита, и Святовит снова остался доволен твоим прибытием на остров!

Славянский князь почтительно приблизился к трону жреца и преклонил колена.

– Отец, – с порывом сказал он, – я вижу, что ты полон доброжелательства к нам! Мне показалось, что, когда расстались мы, на лице твоём появилась тень гнева, но теперь твои слова рассеяли мои подозрения.

– Не может быть гнева на тех, к кому благоволит Святовит, – возразил Бела. – Витязи, – обратился он к Добрыне и Освальду, – займите места за столом, и чтобы вам не было скучно, я призову для беседы с вами начальников Святовитовых дружин, ты же, Владимир, сядь около меня, и когда утолишь свой голод и жажду, мы будем говорить с тобой обо всем, что тебе по душе.

Бела громко хлопнул в ладоши. Двое молодых жрецов, явившихся как из-под земли, установили несколько ниже его трона небольшой столик со всевозможными яствами. Яства, но в большем количестве, появились и на главном столе. Пока подавали их, зал наполнялся воинами-жрецами. Все эти люди были с виду могучи, красивы. Стариков между ними не было, даже пожилых виднелось очень немного. Подходя к столу, они кланялись в пояс Добрыне и Освальду и только после этого занимали свои места. Добрыня Малкович отвечал им степенным поклоном, а сам все старался подобраться к краю стола. Старому витязю хотелось быть поближе к племяннику, и он преуспел в этом. Уловку его не заметил даже Бела, все свое внимание обративший на Владимира, и наконец Добрыня ухитрился пристроиться за столом так, что ему было слышно каждое слово из разговора племянника с арконским жрецом.

По знаку Белы начался пир. Все вставали со своих мест и низким, поясным поклоном приветствовали жреца. В этот момент раздались тихие, приглушенные далью звуки рогов, к которым скоро присоединились невидимые лютни, где-то послышалось согласное красивое пение скрытого от глаз пирующих хора. Все же за столом молчали, даже не слышно было звона кубков.

– Клянусь Перуном, Одином, самим Святовитом, наконец, – воскликнул Владимир, – мне это пение нравится более, чем то, которое я слышал по дороге сюда!

– Что ты хочешь сказать, дитя? – ласково спросил Бела, взглядывая на славянского князя.

– Твой Нонне зачем-то привел нас туда, где мучаются христиане.

– Да-а! – протяжно произнес жрец. – И что же?

– Я подумал, что нехорошо очутиться на их месте!

– Еще бы! – усмехнулся старец.

– Но за что они так мучаются?

– Ты хочешь это знать?

– Да! Нонне что-то такое говорил мне. Будто они враги Святовита, и их муки доставляют ему удовольствие. Может ли это быть? Я видел этих людей. Они кротки, в особенности их жрецы, толкуют о какой-то любви и неохотно берутся за меч. За что же страдают они? Я понимаю битву. Это другое дело. Тогда есть сладость борьбы, а за ней и счастье победы. Полна наслаждения удовлетворенная месть. Но что сладкого в том, чтобы пленить людей и терзать их тело?

Владимир и не замечал, что по мере того, как текла его речь, хмурился арконский жрец.

– Ты очень молод, сын мой, – вымолвил, прерывая его, Бела, – и многое в жизни действительно непонятно тебе. Нет у Святовита, у Перуна, у Сварога, Одина врагов земных более сильных, чем христиане. Всюду, где ни появляются они, рассеивается слава богов, которым поклонялись целые поколения наших предков. Христиане возвещают новую жизнь, а зачем она, эта жизнь, когда народ счастлив? Разве не прославил себя и свой народ конунг Олав своими бесчисленными победами? Имя его гремело повсюду. Но как только около него появились христиане, он забыл о победах и слушает их речи, а народ его беднеет и не находит себе пищи для существования. А речи их лживы. Они говорят о добре и какой-то любви людей, а что делают сами? Вот и ты пострадал и страдаешь от них.

– Как так? – вскричал Владимир.

– Тебе лучше это знать, лучше, чем кому другому!

– Ничего не знаю. Моя бабка Ольга была христианкой, и я никогда не видал от нее никакого зла. Это скажет и Добрыня!

Малкович, услышав свое имя, приподнялся и перешел к столу, за которым сидел его племянник.

– Ты что-то говоришь обо мне? – сказал он.

– Да! Вот скажи Беле, что бабка Ольга, хотя и умерла христианкой, а лучше ее не было на свете женщины.

Добрыня крякнул.

– Ты уж позволь, отец Бела, присесть с вами, – говорил он, подвигая высокий табурет, – слышу я, поминаете вы мое имя, так думаю, что уже и мне лучше быть здесь.

Глаза арконского жреца блеснули гневом.

Среди дружинников, сидевших за пышным столом, прошел шепот. Им показалось оскорбительным для их властелина бесцеремонная выходка славянского витязя, но тот не обратил внимания ни на грозные взгляды Белы, ни на ропот его воинов.

– Ты, отец Бела, не гневайся, – говорил Добрыня, принимаясь за кубок с вином, – сам ты виноват, что меня за задний стол пересадил. Не место мне, князьему дяде, там. Вот я и перешел сюда. Все равно без меня с племянником ничего не решишь, и толковать-то со мной придется!

– Отец Бела, – просительно сказал Владимир, – дядя Добрыня мне вместо отца, и нехорошо ему на пиру ниже меня быть!

Лицо жреца несколько прояснилось.

– Это хорошо, что ты за своих заступаешься! – сказал он. – Пусть Малкович с нами будет. Я знаю, что он воин храбрый и советник хороший.

– Вот так и давно бы тебе! – промолвил, слегка усмехаясь, Добрыня. – Вот что, отец Бела, ты княгиню Ольгу хаять оставь: мудрая она была, недаром по вещему Олегу имя свое носила. Про христиан тоже ничего не скажу. Есть и среди них храбрые воины.

Бела опять нахмурился. Очевидно, он не мог выносить, когда при нем хвалили христиан.

– Много христиан развелось в Киеве, – произнес он, – и они погубят весь народ славянский. Они уже просветили Ярополка и подстрекнули его убить Олега.

– Не может быть того! – воскликнул Владимир.

– Ты думаешь? – холодно сказал Бела, взглядывая в упор на Владимира. – Олег и ты никогда не поддались бы им, а Ярополк склонился на их сторону. Он позволяет христианским жрецам обращать в свою веру киевский народ. Олег не позволил бы этого. Ты тоже. Вот вас и нужно было устранить, чтобы Ярополк остался один княжить. О, они хитры!

Олег пал, ты – изгнанник. Ярополк поддался христианам.

– Я вернусь, – закричал Владимир, – и горе всем им!

Глаза его искрились гневом, слова будто через силу вырывались из груди.

– Кому им? – спросил Бела.

– Им! Ярополку и христианам.

– И ты не отступишься от своих слов?

– Клянусь, нет!

– Тогда, сын мой, ты можешь рассчитывать на помощь Святовита! – торжественно проговорил жрец. – Я дам тебе дружину и помогу тебе в твоей мести!

Он протянул руку славянскому князю, как бы подтверждая этим свое обещание.

Договор

Очевидно, Бела совершенно изменил свои взгляды на Добрыню.

Вскоре вместе с ним он удалился из зала, оставив Владимира пировать со своими воинами. Сын Святослава между тем скоро развеселился. Обещание арконского жреца ободрило его. Он сильно побаивался, что им с Добрыней не удастся добыть на Рюгене дружины, теперь эти опасения рассеялись. С уходом Белы все вдруг повеселели. Завязался разговор, воины уже не только что непринужденно разговаривали, но и смеялись. Забыта была даже выходка Добрыни Малковича, тем более что все видели, как жрец оказал ему внимание.

К Владимиру относились все с большим почтением.

После того как Бела открыто пообещал ему помощь, в нем видели вождя предстоящего похода в новые, не истощенные еще предшествовавшими грабежами земли, а поэтому теперь уже многие старались обратить на себя его внимание.

В то же самое время Бела и Добрыня в отдаленном покое вели между собою вполне откровенный разговор.

– Помощь-то ты обещал нам, отец Бела, – говорил Добрыня Малкович, непринужденно рассевшись пред жрецом на дубовой скамье, – а вот не сказал одного: что ты получишь с нас пожелаешь?

– А то, что вы исполнить можете, – был ответ.

– Еще бы ты запросил, чего сделать нельзя, – усмехнулся Добрыня. – Да ты обиняками-то не говори. Условимся сразу – и конец всему!

– Помогу я вам, – вдруг пылко и страстно заговорил арконский жрец, – помогу так, что и теперь уже за ваш успех поручусь, а вы пообещайте мне лишь одно: что не заведете на вашей Руси христианство и всех христиан изгоните из вашей земли.

– Только-то?

– Если и это исполните, хорошо будет!

– А и не любишь ты, Бела, христиан!

Жрец злобно рассмеялся.

– Мне полюбить их?! – воскликнул он. – Рюген и все морское побережье, где живут мои венды, было подвластно Святовиту. В землях наших не было никого, кто осмелился бы усомниться в могуществе Святовита, и вот я вижу, что везде стала слабеть вера в богов, что люди перестают бояться их кары, не прибегают к нам, служителям божества. Я уже теперь не имею той силы и власти, какая была у меня недавно. Все рушится, все отпадает от старины, и виною этому христиане. Они везде заводят свои новые порядки. В землях франков, аллеманов, на острове саксов и пиктов исчезли совсем друиды, и только случайно уцелевшие руны кое-где еще свидетельствуют об их недавнем могуществе. О древних богах и говорить нечего. Тверд был среди народов славянских Святовит, но теперь, слышно, и они отказываются от старых богов. Ляхи уже становятся христианами; осталась Русь ваша, но и в нее вошло христианство. Правда, оно идет к вам с Востока, из Византии, но это все равно. Если оно укрепитя на вашем Днепре, то оттуда разольется везде по землям, где живете вы, славяне, и тогда пропадет Святовит, а с ним и Аркона, и мой Рюген потеряют все, всю власть, какую имели до сих пор. Я уже знаю, Олав, конунг Норвежский, подчиняясь христианским жрецам, задумывает поход на Аркону. Он разрушит храм Святовита, убьет его белого коня, подчинит весь Рюген своей власти. Тогда всюду здесь появятся храмы христианского Бога, и у меня не будет силы защитить мое божество, которому я служу всю мою долгую жизнь. Вот почему я хочу, чтобы твой Владимир стал киевским князем. Он будет в Киеве и не пропустит христианских жрецов на Русь. Тогда Рюген будет спасен.

– А если пропустит? Если и сам станет христианином? – сказал Добрыня.

– Этого не будет!

– Как знать будущее.

– Не будет! Я поставлю его киевским князем, я же и уничтожу его, если он или ты осмелитесь изменить своему обещанию. Разве не мои дружины пойдут с вами? Разве не будет у меня могучих приверженцев в нашем Киеве? Я даю, я могу взять и назад данное.

«Ого, вот ты как, – подумал Добрыня, – я бы на твоём месте так говорить не стал! А ещё считаешься мудрецом!» Бела не заметил его насмешливого взгляда.

– Итак, – с прежним увлечением продолжал он, – я помогу вам, я отдам вам голову Ярополка, потому что он никогда не будет служить нам. Вы же всегда будете моими союзниками. С помощью вас я изгоню христиан со всей Славянщины и всюду восстановлю старых богов, и опять народы будут счастливы по-прежнему. Когда же исполнится это, я соединю всех славян под властью киевского князя; всех славян, слышишь ли, витязь? И славяне пойдут повсюду, где умами и сердцами людей овладели христианские жрецы, и станут изгонять их, разрушать храмы их Бога, и будет тогда мой Святovit царить повсюду!

– Это не худо! – согласился Малкович.

– И ты с племянником будете служить мне.

– Коли только в том дело, чтобы христиан не пустить да вашей Арконе помощь подать, тогда и говорить нечего: конечно, будем! Сказать по правде, нам что Перун, что Святovit – все равно.

– Нет, Перун у вас был, пусть и останется.

– И то ладно! А христиане... Да пусть они пропадут!

Добрыня становился с каждой минутой все веселее.

Он даже и помыслить не смел, чтобы Бела поставил такие легкие условия своей помощи. Теперь его интересовал вопрос, сколько даст дружинников ему арконский жрец.

– Отдам хоть всю норвежскую дружину! – ответил Бела, когда Малкович спросил его об этом.

Тут Добрыня несколько стал в тупик. Он прекрасно знал, что варяги служат у арконского жреца по найму.

«Видно, их срок близок к концу, – вдруг сообразил он. – Да это все равно, лишь бы в Новгород прийти, а там и мы найдем, чем варягам платить! Полоцкая земля недалеко. Рогвольдовой казной все заплатим».

Однако он и виду не подал, что догадывается о близости срока окончания службы наемных войск Арконы.

– Так по рукам тогда, отец Бела? – сказал он.

– А будет ли твой Владимир согласен на мои условия? – спросил осторожный Бела.

– Ну, еще бы. Он хоть так про христиан говорил, а сам их не любит.

– Тогда пусть он даст клятву, а ты будь за него поручителем.

– Чем угодно, поклянемся оба, – немедленно согласился Добрыня, – хоть Перуном самим, все равно. Только ты не держи нас.

– Не буду держать. Ярополк усиливается.

Малкович лукаво посмотрел на жреца.

– А как же ты хотел выдать нам его с головой?

– И выдам. Он сам придет к вам.

– Ой ли, отец! Ярополка-то я с детства знаю, простоват он, что и говорить, а все-таки кто же сам на свою погибель пойдет.

– Увидите! – коротко сказал Бела и устало закрыл глаза. Добрыня встал со скамьи.

– Притомился ты, отец, – сказал он, – да и я тоже. Пусть племянник веселится, а меня на покой отпусти. Обо всем, кажись, мы с тобой переговорили.

Не открывая глаз, Бела кивнул головою и хлопнул в ладоши. Появившемуся на зов служителю он приказал проводить витязя в приготовленный для него покой; но лишь только он остался один, выражение усталости исчезло с его лица, и он громко закричал:

– Нонне, Нонне!

Нонне ждал этого зова где-то совсем близко. Он явился мгновенно.

– Ты был здесь, Нонне? – с живостью спросил его Бела. – Ты слышал наш разговор?

– Слышал, великий отец.

– Что ты скажешь?

– Прости, великий, я не понимаю, зачем ты говорил этому варвару, почему тебе нужно, чтобы Владимир сел в Киеве? Не может ли он подумать, что мы нуждаемся в их помощи, а не они в нашей? Не вообразят ли они, что мы погибаем и не можем найти нигде себе союзников, кроме них, потому и беремся помогать им?

Бела грустно покачал головою.

– Нонне, ты думаешь, что этот варвар глуп?

– Думаю, так, великий отец.

– Тогда я скажу, что ты ошибаешься. Он княжий советник, и князь Святослав поручал ему и управление государством, и переговоры с неприятелем. Знаешь ли ты, вот этот Добрыня не раз обходил хитрецов-византийцев, а о других и говорить нечего.

– Но ты принял его неласково и сначала совсем не говорил с ним.

– Я должен был приглядеться к нему, понять, каков он с Владимиром. Недаром я живу столько лет на свете. Когда этот юноша сказал, что Добрыня ему вместо отца, я понял, что он действительно находится под его влиянием. И вот теперь нам нужно перехитрить его. Необходимо, чтобы около Владимира, когда он станет киевским князем, был у нас свой человек, который стал бы его ближайшим советником. Ты знаешь ли воеводу Блуда?

– Воеводу Ярополка?

– Да. Вот я хочу, чтобы он занял при Владимире место Добрыни. Блуд давно уже там. Он ненавидит христиан, ненавидит и Ярополка. Если он будет при Владимире, вся Русь будет покорна нам и поможет отстоять Рюген от Олава.

– Великий отец, – воскликнул Нонне, – разве так грозна опасность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.